

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

© 1993 г., ЭО., № 2

Ю. И. Семенов

ПЕРЕХОД ОТ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА К КЛАССОВОМУ: ПУТИ И ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ *

Протодоминомагнатное общество. Крестьянско-общинный уклад формировался во всех поздних предклассовых обществах. Но далеко не во всех этих обществах мы находим пракрестьянскую общину. На предклассовой стадии развития существовали и такие общины, в которых кроме пракрестьянско-общинного бытовали и другие общественно-экономические уклады. Подобные предклассовые общества не были ни пракрестьянскими, ни протополитарными.

Примером могут служить ифугао о-ва Лусон (Филиппины). У них все члены общества подразделялись на три основные категории: кадангианги (богачи), натумок (люди среднего состояния) и наватват (бедняки). Последние нередко работали на богачей. Одни бедняки за содержание (пища, одежда) трудились в хозяйстве эксплуататора. Другие брали у богачей в аренду поля. Хозяин давал земледельцу половину семян для посева. Другую половину обеспечивал сам работник. Урожай делился пополам между хозяином и арендатором. В некоторых местностях арендатор не был обязан вносить половину семян, но тогда он получал лишь обеспечение на год и животное для жертвоприношения. Практически он был не столько арендатором, сколько работником в хозяйстве богача. Практиковались займы под залог полей и детей. В первом случае кредитор получал право пользоваться полем должника как собственностью вплоть до выплаты долга. Во втором случае ребенок поступал в распоряжение займодавца. Существовало и рабство. Рабами могли стать как несостоятельные должники или члены их семей, так и люди, захваченные в плен. Имела место продажа бедняками детей в рабство. Хозяин пользовался правом на жизнь и смерть раба. Когда ребенок-раб подрастал, хозяин мог выделить ему участок земли для обработки. Невозможно точно установить, работали ли сами эксплуататоры. У Р. Ф. Бартона на этот счет имеется лишь указание, что даже богатые люди, когда располагали временем, брались за лопату¹.

Высшей формой объединения у ифугао была община. Никаких надобщинных структур не существовало. В общине ифугао существовал не только пракрестьянско-общинный уклад, но и доминомагнатный. Поэтому она не являлась пракрестьянской. Это была пракрестьянско-доминомагнатная община. В целом в обществе ифугао ведущую роль играли доминомагнатные отношения. Поэтому оно может быть названо протодоминомагнатным обществом (приставка «прото» означает его принадлежность к предклассовому обществу). Протодоминомагнатное общество существовало у многих других горных народов о-ва Лусон: иснег, калинга, бонток, игоротов (канканаев

* Окончание. Начало статьи опубликовано в предыдущем номере журнала.

и наболоев). У последних кроме уже описанных форм эксплуатации существовало и наймитство².

Кадангианги у ифугао были не только богачами. В какой-то степени с ними было связано и понятие о знатности. Но в целом протоклассы у них еще не стали одновременно и прасословиями. Совершенно отчетливое деление на прасословия существовало у апатани восточных Гималаев. Привилегированное прасословие называлось мите, непривилегированное — мура. Однако прасословное деление далеко не полностью совпадало с протоклассовым. Все рабы относились к числу мура, но большинство мура не были рабами. Существовали бедные мите и богатые мура. Отношения эксплуатации у апатани были довольно развиты. У них существовали все четыре разновидности доминантных отношений (рабство, приживальчество, кабальничество, наймитство) и магнатно-рабовладельческий подспособ производства. Протодоминомагнатное общество апатани было однообщинным, но размеры общин были довольно велики. В 1961 г. в 7 самостоятельных деревнях апатани насчитывалось 2520 дворов с общим населением в 10 745 человек³.

К числу протодоминомагнатных обществ относятся тораджи Сулавеси⁴ и, вероятно, якуты XVII—XVIII вв.⁵ Общество тораджей было однообщинным. В отношении якутов полной ясности нет.

Протодоминомагнатное общество возникло скорее всего из раннего предклассового общества с позднейшими бигменами. Но известны и случаи развития пракрестьянского общества по пути, ведущему к протодоминомагнатному. Среди вольных обществ Дагестана особо выделяется Джарское, состоявшее из 7 селений с 1500 дворами. Джарцы и их соседи совершали постоянные набеги на прилегающие области Азербайджана и Грузии. Важнейшей их целью был захват людей. За них требовали выкуп или превращали в рабов. Вплоть до начала XIX в. Джар был одним из самых значительных невольничьих рынков на Кавказе.

Но джарцы не ограничивались систематическим военным грабежом. Они подчинили своей власти и обложили данью 22 ингилойских (грузинских) и мугальских (тюркских) селений. Формально дань платилась всему вольному обществу, но с течением времени она стала поступать в руки только верхушки. Наличие такого источника дохода немало способствовало процессу социального расслоения, которое становится заметным во второй половине XVIII в. Представители правящей верхушки начали использовать труд рабов, часть которых сажалась на землю. Таким образом у джарцев получили развитие и доминантные и магнатные отношения⁶.

Возможно, что протодоминомагнатными, а не пракрестьянскими являлись и некоторые другие вольные общества Дагестана⁷.

Карачаевцы и балкарцы (первая половина XIX в.) Еще один вариант позднего предклассового общества представлен карачаевцами, какими они были до реформы 1867 г. Карачаевцы подразделялись на четыре прасословия, из которых первые два считались свободными. Первое свободное прасословие составляли таубии (горские князья). В 1867 г. их доля в населении Карачая равнялась 3,7%. Для них считалось недопустимым и неприличным заниматься физическим трудом. Таубии считались белой костью. Второе свободное прасословие — карауздени. Они относились к «черному» народу. Их было 67,7%. Карауздени, хотя и считались вполне свободными, тем не менее несли некоторые повинности в пользу таубиев. В основе этой эксплуатации лежала верховная собственность таубиев на землю караузденей. Данную форму присвоения прибавочного продукта обычно характеризуют как феодальную. Но здесь отсутствует основная хозяйственная ячейка феодализма — вотчина, поместье. Описываемая форма эксплуатации не является и протополитарной, хотя и имеет черты сходства с последней. Отсутствует типичная для протополитаризма протополитосистема во главе с протополитархом. Больше всего данная форма эксплуатации похожа на преполитарную. Но для последней было характерно

существование одного преполитариста (преполитарха). Здесь же эксплуататоров было несколько.

Однако нужно принять во внимание, что в типичном преполитарном обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки наблюдался процесс совместного поселения нескольких ранее самостоятельных общин. Возникшая таким образом надобщина со временем превращалась в общину. Но в каждой из ее составляющих частей продолжал сохраняться свой преполитарх.

В отличие от преполитарных отношений форма эксплуатации, существовавшая у карачаевцев, не была связана с престижной экономикой. Поэтому она должна получить особое наименование. Учитывая сходство этих отношений с преполитарными, а отчасти и протополитарными связями, их можно было бы назвать парapolитарными (от греч. *пара* — возле, около).

Таубии и карауздени были свободными людьми. Два других прасословия составляли зависимые люди. Это — юльгюлькулы (12,4%) и башзыскулы (3,3%). Первые были людьми, которые, получив от других лиц землю и скот, сами вели хозяйство и отдавали часть своего труда владельцам этих средств производства. Чаще всего это были пленники. Но в таком положении могли оказаться и ранее свободные члены общины. Один путь — задолженность, второй — аренда земли из-за доли урожая. Таким образом у карачаевцев существовали магнатно-рабовладельческие, магнатно-кабальные и магнатно-арендные отношения. Башзыскулы были рабами, которые трудились в хозяйстве владельца.

В роли доминомагнатов могли выступать не только таубин, но и зажиточные карауздени. Более того, даже юльгюлькулы могли иметь магнатно зависимых и рабов. Наряду с богатыми караузденями существовали разорившиеся таубии. Таким образом прасословное деление не вполне совпадало с протоклассовым.

Особое место в карачаевском обществе занимали азаты — вольноотпущенники из числа бывших магнатно зависимых и рабов. Они составляли 12,9% населения. Формально азаты считались свободными, но фактически продолжали нести некоторые повинности в пользу бывших владельцев.

Высшей формой объединения у карачаевцев были общины, но довольно крупные по размерам. Численность населения карачаевских аулов доходила до 4 тыс. человек и больше⁸.

Община у карачаевцев может быть названа пракрестьянско-парapolитарно-доминомагнатной, а общество в целом — парapolитарно-доминомагнатным. Практикрянско-доминомагнатная и пракрестьянско-парapolитарно-доминомагнатная общины были стратифицированными или, точнее, протостратифицированными (приставка «прото» говорит о их принадлежности к предклассовому обществу), чем они отличаются от пракрестьянской.

К этому же типу относится общество балкарцев. Как и у карачаевцев, представители привилегированного прасословия носили название таубиев. Свободные рядовые общинники именовались каракишами. Магнатно зависимые производители делились на две группы: чагары (кулы) и ясакчи (жасақчи). На низшей ступени находились казаки и караваши, жившие в доме хозяина и исполнявшие все домашние и дворовые работы. Существовали в Балкарии и вольноотпущенники⁹.

Нельзя полностью исключить принадлежность к данному типу и отдельных вольных обществ Дагестана¹⁰.

И, или ицзу (середина XX в.). С карачаевским удивительно сходно общество и (ицзу) Ляншаня (провинция Сычуань, Китай). Они делились на четыре прасословия: носу (7%), цюино (55%), ацзя (30%) и сяся (8%). Носу были аристократами. В идеале они не должны были заниматься производительным трудом. Носу считались верховными собственниками всей земли. В силу этого рядовые свободные общинники — цюино несли в их пользу повинности. Ацзя

находились в полной собственности своих хозяев, которые могли их убить, подарить и т. п. Получая от своих владельцев землю, орудия труда, семена, жилище, они более или менее самостоятельно вели хозяйство. Сяся были рабами, которые трудились в хозяйстве владельца.

Прасословное деление в обществе ицзу далеко не полностью совпадало с протоклассовым. Большинство носу (88,47%) жило за счет чужого труда. Но 11,53% носу вынуждены были трудиться сами. Людей, живших целиком за счет эксплуатации, мы находим и среди цюйно. Они составляли 4,16%. Но при этом 41,5% цюйно были частично или полностью доминатно и магнатно зависимыми. Разбогатевшие ацзя с разрешения хозяина могли приобретать участки земли, скот и рабов. В целом ацзя владели 17,68% сяся и 1,45% ацзя. Имеются данные о протоклассовой структуре общества ицзу: люди, жившие полностью за счет эксплуатации, составляли 8,3% населения, производители, которые вполне самостоятельно вели свое хозяйство, иногда с использованием чужого труда, — 36%, магнатно и доминатно зависимые работники — 55,7%¹¹.

Адыги (XVIII — первая половина XIX в.). Невозможно говорить об общественном строе адыгов вообще. Разные их социально-исторические организмы имели далеко не одинаковую социально-экономическую структуру. Адыгские «племена» принято подразделять на «аристократические» и «демократические». У «аристократической» части адыгов существовали парapolитарные и домино-магнатные отношения. Но если у карачаевцев и балкарцев политарно-домино-магнатное общество было однообщинным, то у адыгов, по-видимому, существовали и более широкие социальные формирования.

В «аристократических» адыгских обществах совершенно отчетливо выделяются те же самые основные социальные группы, что и у карачаевцев, балкарцев, ицзу. Первую группу составляла знать. К ней относились прежде всего князья (пши) и первостепенные уорки, или уздени (тлекотлеши и деженуго). К ним примыкали остальные уздени, которые находились на службе у князей и первостепенных уорков. В целом их характеризуют как княжеских дружинников. Одни из них вели собственное хозяйство, другие были на содержании у князей. Князья и, по крайней мере, первостепенные уорки производительным трудом не занимались.

Вторая группа — рядовые свободные члены общин — тфокотли (фокотлы, тлухотлы). Хотя они считались свободными людьми, но тем не менее выполняли определенные повинности в пользу князей и первостепенных уорков. В основе этой эксплуатации лежала верховная собственность пши, тлекотлешей и деженуго на землю, которую обрабатывали тфокотли. Князья и первостепенные уорки считались «владельцами аулов».

Среди пши и первостепенных уорков существовало что-то похожее на иерархию. Но протополитарная система во главе с протополитархом у аристократической части адыгов отсутствовала. Данная форма эксплуатации была парapolитарной.

Третья группа — зависимые производители. Они подразделялись на лагунапытов (пшитлей) и огов. Лагунапыты были полной собственностью своих хозяев. В большинстве случаев они сами вели хозяйство, но на земле, которая была предоставлена им хозяевами. Последние же обеспечивали лагунапытов рабочим скотом и орудиями труда. За это лагунапыты отдавали владельцам часть урожая и работали на их полях. Жили они в одном дворе с хозяевами, хотя в своих домах. Но были и такие лагунапыты, которые работали исключительно в хозяйстве владельца.

Оги всегда сами вели хозяйство. Они жили особыми дворами за пределами усадьбы хозяина, пользовались определенными семейными и имущественными правами, имели собственность и свободно распоряжались ею. К огам были близки азаты — вольноотпущенники.

Четвертую группу составляли унауты — рабы. Они жили в усадьбе владельца

и выполняли все домашние и полевые работы. Унауты могли быть переведены в лагунапыты. Другие источники пополнения группы пшитлей: пленные и обнищавшие тфокотли. Лагунапыты могли превратиться в огов, но возможен был и обратный процесс. Даже оги и лагунапыты могли иметь рабов и наймитов. Тем более это относится к свободным общинникам¹².

Разные исследователи приводят далеко не одинаковые цифры относительно прасословного деления адыгского общества. Роднит их одно: преобладание в составе общества рядовых свободных общинников. По некоторым данным они составляли 75%¹³. Более определенные данные имеются о составе населения Кабарды. В 60-х годах XIX в. оно равнялось примерно 35 тыс. человек. По списку 1828 г. среди кабардинцев было 46 князей, 209 первостепенных уорков и 1213 узденей низших степеней. В 60-х годах XIX в. тфокотлей вместе с вольноотпущенниками насчитывалось 20—25 тыс., лагунапытов — 10 тыс., огов — 75 человек¹⁴.

В конце XVIII в. в части адыгских «племен» произошли своеобразные «революции», направленные против знати. В результате эти «племена» превратились из «аристократических» в «демократические»¹⁵. Характеристика этих «революций» и их последствий отличается крайней противоречивостью. Даже у одного и того же автора мы находим утверждения, с одной стороны, что в результате «революции» были изгнаны все дворяне и провозглашено равенство, уничтожена система княжеско-дворянского управления, с другой, что и у «демократических» племен тфокотли продолжали нести повинности в пользу «владельцев аулов»¹⁶. Тем более противоречат друг другу высказывания разных авторов.

Все же можно высказать предположение, что адыгские антиаристократические «революции» привели к уничтожению парapolитарных отношений. Как утверждал М. Покровский, в ходе «демократического общественного переворота» многие из князей и дворян были убиты, а из оставшихся в живых позволено было жить на старом месте только тем, которые поклялись отказаться от владельческих прав¹⁷. Что же касается доминагнатных отношений, то они сохранились, хотя возможно, что некоторая часть магнатно зависимых обрела свободу¹⁸. Парapolитарно-доминагнатное общество превратилось в протодоминагнатное. Общины демократических «племен» стали образовывать союзы, которые в свою очередь объединились в обширную конфедерацию, включившую в свой состав абадзехов, натухайцев и шапсугов¹⁹.

Парapolитарно-доминагнатные общества скорее всего возникли из преполитарных, но таких, где были довольно развиты доминатные и магнатные отношения. Примером могут послужить индейцы Северо-Западного побережья Северной Америки. В ряде отношений с парapolитарно-доминагнатным обществом сходно преполитарное общество маори Новой Зеландии, в котором существовало рабство и, возможно, приживальчество²⁰. От преполитарного общества развитие пошло, таким образом, в двух направлениях: одно привело к протополитарному обществу, другое — к парapolитарно-доминагнатному. Парapolитарные отношения в обществе могли исчезнуть, в результате чего последнее превращалось в протодоминагнатное. Но могли и заново возникнуть.

Древние германцы эпохи Цезаря и Тацита (I в. до н. э.—I в. н. э.). Возможно, такой процесс имел место у древних германцев. Самостоятельные социально-исторические организмы германцев, включавшие в свой состав много общин, принято именовать племенами. Племена могли объединяться в союзы, конфедерации.

В древнегерманском обществе существовало несколько социальных групп. Первая — аристократы, которые были полностью освобождены от физического труда. Вторая — рядовые свободные. Они составляли большинство общества. Первым и вторым как людям свободным противостояли люди несвободные, т. е. рабы. Хозяева имели полное право на их жизнь и смерть. Несвободные

в свою очередь подразделялись на две группы. Одни из них непосредственно работали в хозяйстве своих господ. Другие получали в пользование землю и в какой-то степени самостоятельно вели хозяйство.

Между свободными и несвободными существовали промежуточные группы. Одну из них у франков, фризов, саксов называли литами, а у лангобардов и баваров — альдионами. Литы (альдионы) были прикреплены к земле, на которой поселил их господин, и несли в его пользу различные службы и повинности. Но в отличие от рабов они обладали определенными семейными и имущественными правами. Литы могли жить как во дворах своих господ, так и за их пределами. В последнем случае их самостоятельность была большей. Разбогатевшие литы сами могли иметь рабов. Второй промежуточной группой были вольноотпущенники, положение которых мало чем отличалось от статуса азатов у карачаевцев, балкарцев и адыгов.

Особенность германского общества заключалась в его военном характере. Аристократия древних германцев была прежде всего военной знатью. В каждом племени было несколько человек, которые имели собственные вооруженные отряды — дружины. Их обычно именуют князьями или вождями. Они сами по себе не были должностными лицами, хотя и могли становиться ими. Дружины были их частным достоянием. В каждом племени было народное собрание, избиравшее из среды знати должностных лиц, которые творили суд по округам и селам. Избирало оно также и короля, который был главным военачальником, верховным судьей и руководителем народного собрания. В племенах, где не было королей, лидерство принадлежало нескольким равноправным могущественным лицам.

В целом у германцев шел процесс становления и утверждения королевской власти. Она возникла из власти особо могущественного князя, избранного военным вождем племени и стремившегося сохранить свое положение и в мирное время. Налогов внутри племени не существовало. Однако в некоторых из них бытовал обычай поголовно и добровольно приносить в дар князьям какое-то количество крупного рогатого скота и зерна. Но главным источником доходов, если и не всех, то значительного числа аристократов, были не подарки членов племени и не труд рабов и литов, а военная добыча²¹.

В случае с подношениями князьям со стороны свободных общинников мы сталкиваемся с отношениями, отличными от доминамагнатных. Они сходны с паразитическими. Но нет данных, которые позволили бы трактовать эту форму эксплуатации как основанную на верховной собственности князей на землю. Она явно была связана с ролью князей как предводителей дружин.

Северные германцы накануне и в начале эпохи викингов. В этом убеждают и данные об общественном строе германцев, населявших территорию современных Норвегии, Швеции и Дании во время, предшествовавшее эпохе викингов (последняя длилась с конца VIII в. по вторую половину XI в.), и в начальный период этой эпохи. У норманнов существовали все виды доминантных отношений: рабство, приживальчество, кабальничество и наймитство. Развиты у них были и магнатные отношения. Рабам и вольноотпущенникам давали в пользование участки земли. Обнищавшие свободные люди арендовали землю у богатых на условиях уплаты доли урожая²².

Особое место в скандинавском обществе занимала знать. Она играла ведущую роль в военном деле. Вождь стоял во главе ополчения, состоящего из всех боеспособных свободных мужчин. Он жил в окружении дружины, в которую входили молодые люди, жаждавшие славы и добычи. Дружинники были привязаны к личности вождя. Власть последнего над ними была велика. Племя, во главе которого стоял вождь, опиравшийся на дружину, частично содержало его и дружинников за свой счет. Усадьба вождя была местом, куда окрестное население свозило продукты для него самого и его свиты. Эти поборы назывались *вейцлой*, т. е. кормлением, угощением, пиром. Вождь, имевший несколько усадеб, расположенных в разных частях возглавляемой

им области, перемещался с дружиной из одной в другую и кормился за счет приношений. Но если не для всей знати, то для значительной части ее главным источником доходов была не эксплуатация местного населения, а военная добыча. Это особенно наглядно можно видеть на примере так называемых «морских конунгов». Они совсем не имели земли. Все их подданные входили в дружину и охотно отправлялись в море за добычей²³.

Во всяком случае с природой эксплуатации князьями или военными вождями свободных общинников у германцев многое неясно. Слишком отрывочны те данные, которыми располагает наука. Не исключено, что эти отношения качественно отличались от парapolитарных. Но возможно, что они представляли своеобразную разновидность последних. Не желая вводить новых терминов, которых и без того достаточно, я вплоть до окончательного решения вопроса буду называть их парapolитарными. При знакомстве с материалом бросается в глаза, что если у германцев эпохи Тацита в племени могло быть несколько князей, то у норманнов более позднего времени — только один военный вождь. Но не исключено, что такое впечатление — результат фрагментарности данных. Однако имеются поздние предклассовые общества, в каждом из которых был только один парapolитарист.

Греки «темных веков» (гомеровское общество) (XI—IX вв. до н. э.). Примером может послужить греческое общество «темных веков», каким оно предстает в «Одиссее». Основными группами в нем были аристократы и рядовые свободные. Кроме них существовали рабы, главным источником которых были военные походы. Среди них преобладали женщины, которые делали домашние работы. Рабы-мужчины трудились в домах, полях, виноградниках. Рядом с рабами трудились за плату свободные бедняки — феты. И наконец, на аристократов работали особого рода слуги, которые обеспечивались всем необходимым и в отличие от фетов считались членами ойкоса хозяина. Положение этих слуг было различным. Среди них существовала иерархия. Слуги, феты, рабы обслуживали хозяйства знати. Сами аристократы были освобождены от физического труда. Кроме доминантных отношений существовали и магнатные. В благодарность за верную службу господин мог выделить рабу участок земли и снабдить его всем необходимым с тем, чтобы тот сам вел хозяйство. Такой раб имел свой дом, в котором жил с женой и детьми.

Нет данных, которые бы свидетельствовали о том, что свободные общинники облагались повинностями в пользу знати. Исключение составлял лишь глава социального образования — базилей (басилевс). Последнее слово переводится как царь, или король. Базилей был богат. У него, как и у любого аристократа, были и поля, и скот. Кроме того, пока базилей правил, он использовал особое имение — теменос, которое общество представляло в его распоряжение. Ему полагалась значительная доля военной добычи. И последнее по счету, но, может быть, не по важности, — базилей получал дары от своих подданных. По форме эти приношения были добровольными, но по существу обязательными. Здесь мы имеем дело с отношениями, очень напоминающими парapolитарные. Однако отсутствуют данные о том, что базилей считался верховным собственником земли общества. Главная функция базилея — военная. Он был военачальником, что роднит его с военным вождем норманнов. Однако в отличие от последнего он не имел в своем распоряжении дружины. В силу своего положения базилей обладал определенной властью. Она не была ограничена народным собранием, ибо последнее собиралось по желанию базилея. Но существовал совет знати, и последний всегда стремился свести власть базилея к минимуму²⁴.

Древние ирландцы (до V в. н. э.). Сходные отношения мы встречаем в древнеирландском обществе. Основная политическая единица у древних ирландцев носила название туат. Туат возглавлялся королем — ри. В древней Ирландии существовало не более 100, но не менее 80 таких единиц. Двумя основными группами населения были аристократы и рядовые свободные люди.

Особую группу составляли юристы, поэты, музыканты, историки, ювелиры и т. п. Существовали в древнеирландском обществе рабы, но их было немного. Аристократы имели зависимых людей. Одни из них — фуидири — вели хозяйство на земле господина. Они были обязаны ему услугами и выплатами. Другой формой зависимости была клиентела, природа которой не вполне ясна. Влияние аристократа определялось числом его клиентов.

Король, как и любой аристократ, имел подобного рода зависимых. Но с его должностью было связано пользование определенным участком земли. Кроме того, он получал налог продуктами со всех свободных семей туата. Король имел телохранителей и слуг. В его распоряжении было несколько должностных лиц, одно из которых обеспечивало сбор налогов и выполнение других обязательств населения туата. Власть короля была ограниченной. Существовал совет знати и собрание всех полноправных мужчин туата. Главная функция короля — полководческая. В качестве верховного командующего король имел право на военную службу всех свободных мужчин туата. Кроме того он представлял туат во внешних сношениях²⁵.

Галлы эпохи Цезаря (I в. до н. э.). Несколько иная картина обнаруживается в доримской Галлии. Галлы в I в. до н. э. находились на грани перехода от предклассового общества к классовому, а часть их, возможно, жила уже в классовом обществе. Они подразделялись на множество (около 90) самостоятельных политических единиц, формирующихся или даже уже сформировавшихся государств. Во всяком случае у галлов уже существовали налоги. Характерным для галльского общества было господство знати.

Аристократы имели в своем подчинении массу зависимых людей. На самом низу социальной лестницы находились рабы. Выше их стояли люди, находившиеся в разных формах зависимости. Лишь немногие из простого народа сохраняли независимость. Цезарь, например, констатирует, наличие в сельской местности огромного количество людей, ничего не имеющих. Он их именует «нищими и потерянными». Многочисленную категорию составляли должники, которые, оказавшись не в состоянии выплатить долг, работали на своих кредиторов. Одни из них непосредственно трудились в доме и на полях заимодавца, другие более или менее самостоятельно вели хозяйство с помощью полученных от кредитора земли и скота. Было много людей, которые добровольно отдались под покровительство могущественных аристократов. К моменту римского завоевания королевская власть у большинства галлов исчезла. Она сохранялась лишь у некоторых, наиболее отсталых, групп. Политические образования галлов в большинстве своем управлялись советами знати и магистратами, избираемыми обычно на год²⁶.

В тех социальных образованиях, в которых правили короли, существовали, вероятно, парapolитарные отношения, подобные тем, что описаны у древних ирландцев. Там, где королевская власть исчезла, безраздельно господствовали доминамагнатные отношения. Но это было такое протодоминамагнатное (или уже доминамагнатное) общество, которое пришло на смену парapolитарно-доминамагнатному.

Прибалтийские славяне (X—XII вв.) Почти ничего не известно о социально-экономическом строе предклассового общества восточных и большинства западных славян. Более или менее определенные данные существуют лишь о прибалтийских славянах, которые задержались на этой стадии развития вплоть до X—XII вв. Двумя основными группами были у них знать и рядовые свободные общинники. Прибалтийские славяне совершали военные походы на соседей, во время которых захватывалось множество пленных, но большая их часть шла на рынок. Об использовании рабов в производстве мало что известно. Возможно, что некоторые рабы становились «десятьниками». О последних известно, что они более или менее самостоятельно вели хозяйство на чужой земле и несли в пользу землевладельцев повинности.

У прибалтийских славян была развита долговая кабала. На о-ве Рана,

например, человек, взявший займы, обязан был ежегодно вплоть до уплаты долга отдавать кредитору определенное количество хлеба, льна и других продуктов. Помимо того, кредитор требовал с должника и чрезвычайных приношений, свидетельствующих о личной зависимости последнего: 5 грошей при выдаче дочери замуж, известный процент за продажу каждого животного и т. п. Несостоятельный должник мог быть превращен в раба.

У знатных людей было множество слуг и приверженцев. По крайней мере некоторые из них имели дружины, которые содержали за собственный счет. Во главе политических объединений большинства прибалтийских славян стояли князья. Наряду с ними существовало народное собрание — вече. В Поморье, представлявшем собой союз нескольких политических единиц, которые исследователи называют землями, областями, городскими общинами, аристократическими республиками, было всего лишь два князя. Первый был главой всего союза, второй — правителем одной из областей, входивших в союз, — земли с центром в г. Тощкове. Верховный князь получал подати со всего Поморья.

Каждое из шести «племен», входивших в союз бодричей, имело своего князя. Один из них был главой союза. Но первоначально у бодричей не было протополитосистемы, а князь, возглавлявший союз, не был протополитархом. В дальнейшем, однако, возникла тенденция к превращению верховного князя в протополитарха или даже уже политарха. Она достигла своего наивысшего развития при Готшалке (XI в.), который выступал уже как единоличный правитель. При нем подати превратились в настоящие налоги, которые шли на содержание дружины и аппарата управления.

Если у бодричей развитие шло по пути укрепления власти верховного князя, то у лютичей, представлявших союз четырех «племен», княжеская власть к X в. исчезает. Органом власти у них было народное собрание, но фактически правили старейшины, которые рекрутировались из числа знатных людей²⁷.

Варианты доминомагнатных отношений. Говоря о доминомагнатных отношениях, нужно отличать доминомагнатный образ производства, когда эти отношения существуют в качестве придатка к общественно-экономическому укладу, образованного связями другого типа (например, пракрестьянско-общинному или крестьянско-общинному укладам), и доминомагнатный способ производства, когда эти отношения сами образуют особый общественно-экономический уклад.

В свою очередь, обращаясь к доминомагнатному способу производства, можно выделить две формы его бытия. При одной форме доминомагнатный общественно-экономический уклад существует в рамках сельской общины, является внутриобщинным. Община при этом является пракрестьянско-доминомагнатной или крестьянско-доминомагнатной. Но во многих социально-исторических организациях доминомагнатный уклад выделился из общины. В таком случае его хозяйственным организмом являлась не община, а весь социально-исторический организм в целом. В результате в таком обществе община из пракрестьянско-доминомагнатной (крестьянско-доминомагнатной) могла превратиться в пракрестьянскую (крестьянскую).

Все три описанные выше разновидности доминомагнатных отношений не исключают друг друга. В обществе одновременно могут существовать доминомагнатный образ эксплуатации, внутриобщинный доминомагнатный способ производства и внеобщинный доминомагнатный способ производства. Можно предполагать, что у греков «темных веков», древних ирландцев и галлов эпохи Цезаря уже возник внеобщинный доминомагнатный способ производства.

Типология позднего предклассового общества. Таким образом все многообразие поздних предклассовых обществ сводится к четырем основным типам. Первые два типа: протополитарное общество и пракрестьянское общество. И для того, и для другого характерно существование пракрестьянской

общины. Но протополитарное общество является формирующимся классовым (протоклассовым) обществом, чего нельзя сказать о пракрестьянском обществе.

Два других типа: протодоминомагнатное общество и парapolитарно-доминомагнатное общество. И то и другое представляют собой формирующееся классовое (протоклассовое) общество. В свою очередь среди них выделяются общества соответственно с пракрестьянско-доминомагнатной общиной и пракрестьянско-парapolитарно-доминомагнатной общиной, и общества с пракрестьянской общиной.

Такое многообразие социально-экономических типов социально-исторических организмов на стадии предклассового общества не позволяет ни отнести его к одной из известных общественно-экономических формаций, ни выделить в особую общественно-экономическую формацию. Это — межформационный период, отличающийся разнообразием социально-экономических структур, а также необычайной их гибкостью и подвижностью.

Возникновение античного (рабовладельческого) общества (I тыс. до н. э.). Протополитарное общество существовало давно. Вряд ли могут быть сомнения, что политарные общества Египта, Шумера и других стран Древнего Востока возникли из протополитарных. Из протополитарных социально-исторических организмов возникло и политарное общество Ахейской Греции, которое просуществовало с XVI по XII в. до н. э. Его гибель означала возврат на стадию предклассового общества. Но оно по крайней мере на последних этапах своего развития, не было протополитарным. Оно представляло собой общество парapolитарно-доминомагнатное. Это первое известное науке предклассовое общество такого типа. Переход от этого предклассового общества к классовому, который произошел на рубеже IX — VIII вв. до н. э., внешне был ознаменован исчезновением царской власти. За этим, казалось бы чисто политическим изменением, скрывался определенный социально-экономический переворот: исчезновение парapolитарных отношений. Вновь возникшее классовое общество не было парapolитарно-доминомагнатным. Оно было доминомагнатным. О таком характере общества Архаической Греции (VIII—VI вв. до н. э.) свидетельствуют все имеющиеся в распоряжении науки данные²⁸.

В этом уже классовом обществе начался процесс превращения рабства из элемента (подспособа) доминомагнатного способа производства в самостоятельный и при этом господствующий способ производства. В результате революций VI—V вв. до н. э. в передовых социально-исторических организмах Греции были уничтожены доминомагнатные отношения и утвердился рабовладельческий. Рабовладельческий (античный) способ стал основой общества.

По такому же пути шло развитие Этрурии, где в VI—V вв. до н. э. была уничтожена царская власть. Классовое общество этрусков, по крайней мере на ранних этапах своего развития, было доминомагнатным. Кроме знати и рядовых свободных у этрусков существовали рабы, а также разного рода зависимые люди, одни из которых самостоятельно вели хозяйство на чужой земле, уплачивая долю урожая, а другие жили непосредственно при дворе владельца и выполняли различные работы²⁹.

Согласно традиции в 509 г. до н. э. в результате вооруженного восстания пала царская власть в Риме и была учреждена республика. На ранней стадии всего классового развития древнеримское общество было доминомагнатным. Рабство как господствующий способ производства утвердилось в нем лишь к III—II вв. до н. э.³⁰ Сходные явления наблюдались в доримском галльском обществе. Как уже указывалось, у большинства галлов к I в. до н. э. королевская власть исчезла.

Вторичное возникновение классового общества в Индии (I тыс. до н. э.). Вторичное классовое общество в Греции возникло в форме не политарного, а доминомагнатного, которое в последующем развитии превратилось в рабовладельческое. Чтобы понять, почему это произошло, сопоставим развитие Греции в I тыс. до н. э. с эволюцией Индии в то же самое время³¹. Классовое

общество в Индии, как и в Греции, возникало дважды. Первый раз это произошло в начале III тыс. до н. э. Возникнув, это классовое общество, которое по всей вероятности было политарным, просуществовало примерно до середины II тыс. до н. э. С его гибелью произошел возврат на стадию предклассового общества. Нет никаких прямых данных, которые позволили бы определить его тип. Но есть косвенные свидетельства, которые позволяют думать, что оно было протодоминомагнатным или парapolитарно-доминомагнатным.

Второй раз переход к классовому обществу в Индии произошел в начале I тыс. до н. э., скорее всего в IX—VIII вв. Индийские социально-исторические организмы первой и отчасти второй половины I тыс. подразделялись на две группы. Одну составляли монархии, другую — республики — сангхи и ганы. О социально-экономическом строе последних известно немного. Но ясно, что они не были политарными образованиями. Их население делилось на несколько групп — варн. Первую из них составляла светская знать — кшатрии. В их руках находилась власть. Вторую образовывали жрецы — брахманы. Третья варна — вайшьи — свободные земледельцы и ремесленники. Четвертая варна — шудры. Часть их самостоятельно вела хозяйство. Другая часть была кармакарами: наймитами и приживалами. Имеются данные о том, что положение некоторых групп шудр приближалось к рабскому. И наконец, существовали рабы, которые не относились ни к одной из варн.

Приживалы, наймиты и рабы трудились бок о бок. Положение их было настолько близко, что они, все вместе взятые, рассматривались как единое целое. Для их обозначения использовалось стойкое словосочетание «даса-кармакара», из которого первое слово обозначало рабов, второе — наймитов, приживалов и вообще зависимых людей, не являющихся рабами.

И в индийских доминомагнатных обществах наблюдалось расхождение между сословным и классовым делениями. Некоторые кшатрии вынуждены были жить за счет собственного труда. Разбогатевшие вайшьи приближались по своему положению к кшатриям, зато разорившиеся — опускались до уровня шудр³².

Все сказанное выше дает, на мой взгляд, достаточное основание полагать, что сангхи и ганы были доминомагнатными социально-историческими организмами. Однако в отличие от социально-исторических организмов Архаической Греции они не превратились со временем в рабовладельческие, а исчезли. К концу I тыс. н. э. в Индии существовали одни лишь монархии. Они были организмами политарными. Последние в Индии существовали вплоть до XIX в. н. э. Однако они имели свои особенности.

Политарно-общинный вариант политаризма предполагал существование общин. В большинстве политарных обществ эти общины были крестьянскими. В Индии общины, на которых базировался политаризм, чаще всего были не крестьянскими, а крестьянско-доминомагнатными.

В их составе отчетливо выделяются четыре основные группы. Первая — люди, целиком жившие за счет эксплуатации чужого труда. Вторая — полноправные члены общины, хозяйство которых базировалось в основном на их собственном труде. Третья — магнатно зависимые работники. Четвертая — доминантно зависимые производители (рабы, наймиты, приживалы, кабальники). Кроме внутриобщинных доминомагнатных отношений в Индии существовали и внеобщинные³³.

Крестьянско-доминомагнатные общины существовали в составе не только индийского, но и некоторых других политарных обществ, например, в Малой Азии³⁴.

Таким образом, наметившееся было движение части индийских социально-исторических организмов по пути, ведущему к рабовладельческому (античному) способу производства, захлебнулось, и в конце концов в Индии снова восторжествовал политаризм. Связано это было с тем, что обстановка, в

которой развивалась Индия, отличалась от той, в которой жила Греция. Индия не была, конечно, полностью изолирована от ближневосточной системы политарных социально-исторических организмов, которая была в отличие, например, от китайской не региональной, а мировой системой³⁵. Именно вследствие влияния Ближнего Востока письменность во вторичном классовом обществе Индии возникла в форме не идеографической, а алфавитной (точнее: полуалфавитной)³⁶. Но в целом в силу географической отдаленности Индия все же не смогла стать восприимчивым всех достижений материальной и духовной культуры Ближнего Востока.

Место античного (рабовладельческого) общества в истории человечества. В отличие от Индии Греция вплотную примыкала к ближневосточной политарной мировой системе, а некоторые полисы (Иония) образовались на территории, входившей до этого в состав данной системы. Становление вторичного классового общества в Греции шло в обстановке постоянного и весьма интенсивного влияния Ближнего Востока³⁷. Архаическая и классическая Греция органически усвоила и переработала все достижения ближневосточной системы, включавшей в себя такие центры цивилизации, как Месопотамия и Египет. В этом смысле ее история была естественным продолжением истории Древнего Востока.

С чисто внешней стороны возникновение античного общества было переходом нескольких народов, прежде всего греков, с предклассовой стадии развития на классовую. Но по существу своему это был подъем человечества в целом со стадии первой классовой общественно-экономической формации — политарной (азиатской) на стадию второй классовой общественной формации — рабовладельческой (античной)³⁸. Развитие ближневосточной мировой системы политарных социально-исторических организмов подготовило и сделало возможным возникновение античной мировой системы, к которой и перешла ведущая роль во всемирной истории.

Рабовладельческая (античная) формация могла возникнуть только в результате усвоения всех основных достижений более чем двухтысячелетнего развития ближневосточного политарного общества. И это во все большей степени осознается историками. «Прошли те времена,— писал известный английский археолог Л. Вулли,— когда начало всех искусств искали в Греции, а Грецию считали возникшей сразу, вполне законченной, точно Афина из головы олимпийского Зевса. Мы знаем теперь, что этот замечательный цветок избрал в себя соки мидийцев и хеттов, Финикии и Крита, Вавилона и Египта. Но корни идут еще дальше: за всеми ими стоит Шумер»³⁹. Во всяком случае является фактом, что везде, где классовое общество возникает без воздействия со стороны уже существующих цивилизаций, оно с неизбежностью является политарным. В Африке, Океании, доколумбовой Америке мы встречаем из числа поздних предклассовых обществ в основном лишь протополигарные и пракрестьянские, из классовых — одни лишь политарные.

Возникновение феодального общества (I тыс. н. э.). В Западной, Центральной и отчасти Восточной Европе в I тыс. н. э. все более или менее хорошо известные предклассовые общества являются парapolитарно-доминомагнатными или протодоминамагнатными. Это нельзя не связать с тем, что все они в течение многих веков были в сфере влияния цивилизованных обществ. Очень вероятно, что все вообще парapolитарно-доминомагнатные и протодоминамагнатные социально-исторические организмы возникают лишь в результате воздействия на предклассовые общества обществ более развитых.

Начиная с V в. началось превращение многих предклассовых обществ Европы в классовые. Прежде всего это относится к германцам, разрушившим Западную Римскую империю и основавшим на этой территории несколько «варварских» королевств. Для коренного населения завоеванных территорий это в определенном отношении было регрессом. Но этот регресс не был столь глубок, как в случае с цивилизациями Хараппы и Ахейской Греции, где произошел возврат на стадию предклассового общества. После завоевания

германцами Западной Римской империи монументальное зодчество и письменность в значительной степени сохранились. Это дает основание считать новые социально-исторические организмы, возникшие на развалинах Западной Римской империи, классовыми. Для германцев, таким образом, возникновение «варварских» королевств было прогрессом: со стадии предклассового общества они поднялись на стадию классового.

Если в Греции I тысячелетия до н. э. переход со стадии предклассового общества на стадию классового сопровождался исчезновением королевской власти, то в «варварских» королевствах наблюдается картина прямо противоположная. Королевская власть не только не исчезает, а наоборот, усиливается.

За этим, казалось бы чисто политическим изменением, скрывается социально-экономическая трансформация. Если у греков парapolитарные отношения исчезли, то у германцев они стали превращаться в политарные. Возникла политосистема, а король превратился в политарха. Это особенно наглядно видно на примере франкского королевства. «... Можно со всей определенностью сказать, — писал Н. Ф. Колесницкий, — что эксплуатация свободных крестьян-общинников в Западной Европе началась не с подчинения их феодальным собственникам-сеньорам, а с обременения государственными повинностями в порядке публичной государственной зависимости. В роли эксплуататора непосредственных производителей — лично свободных крестьян-собственников — выступало здесь государство... Таким образом, перед нами своеобразная коллективная эксплуатация непосредственных производителей господствующей верхушкой...»⁴⁰ Сам Н. Ф. Колесницкий считает эту форму эксплуатации раннефеодальной, но ее политарный характер совершенно очевиден.

Однако считать германские королевства, возникшие на территории бывшей Западной Римской империи, политарными социально-историческими организмами было бы вряд ли правильным. Параллельно с возникновением политарных отношений в них шел процесс развития магнатной формы эксплуатации. Бытовали в них, разумеется, и доминатные отношения. «Варварские» королевства, а затем империя Каролингов были обществами политарно-доминантно-магнатными. Сосуществование политарных и магнатных отношений завершилось в конце концов их своеобразным слиянием. В результате синтеза политаризма и магнатизма возник новый способ производства, который принято называть феодальным. Политарно-доминантно-магнатное общество превратилось в феодальное.

В отличие от политарного античный способ производства был территориально ограничен. Все античные социально-исторические организмы образовывали одну единую мировую систему. Это связано с тем, что они могли возникнуть только в зоне влияния мировой ближневосточной политарной системы⁴¹. Ограничена была и территория распространения феодального способа производства.

Как считал М. Блок, феодальными в точном смысле этого слова первоначально были лишь Франция, Западная Германия и Северная Италия. В дальнейшем этот регион расширился за счет Англии и Южной Италии. К этому центральному ядру примыкали области в той или иной степени феодализованные — Северо-Западная Испания и Саксония. За этими пределами феодализм в Европе не существовал. Не были феодальными ни скандинавские страны, ни Ирландия, не говоря уж об остальных⁴².

За пределами Европы феодализм, по мнению М. Блока, существовал в Японии⁴³. Хотя эта точка зрения имеет широкое распространение⁴⁴, с ней вряд ли можно согласиться. Япония второй половины VII в. после реформ Тайка была типичным политарным обществом⁴⁵. Такой она оставалась вплоть до второй половины XIX в. Как достаточно убедительно показала Ф. Моулдер. Япония XVII — первой половины XIX в., которую она по традиции именует «феодальной», по всем своим основным чертам была сходна с «имперским»

Китаем того же времени и качественно отличалась от феодальных государств Западной Европы⁴⁶.

Как следует из сказанного выше, первоначально вполне развитые феодальные порядки возникли в Европе лишь на той территории, которая входила в состав западных провинций Римской империи, т. е. там, где имел место германо-романский синтез. Возникновение феодализма было в огромной степени подготовлено развитием античного мира. Без античного общества не было бы и феодального.

С чисто внешней стороны возникновение феодального общества было переходом ряда народов, прежде всего германских, от предклассового общества к раннеклассовому, а затем и зрелому классовому обществу. Но по существу своему это было восхождение человечества в целом со стадии второй классовой общественно-экономической формации — античной (рабовладельческой) на стадию третьей классовой формации — феодальной⁴⁷.

Возникновение классового общества у северных германцев и восточных славян. М. Блок был совершенно прав, когда исключил страны Скандинавии из числа феодальных. И здесь при переходе к классовому обществу парapolитарные отношения трансформировались в политарные, и здесь получили развитие магнатные отношения. Но синтеза политаризма и магнатизма в них не произошло. Возникнув как политарно-доминантное, классовое общество в Норвегии и Швеции надолго осталось таковым. Феодальным оно так и не стало⁴⁸.

Как мы уже видели, развитие различных групп прибалтийских славян пошло не одинаково. У лютичей княжеская власть исчезла. У бодричей она пошла, парapolитарные отношения стали превращаться в политарные.

Как уже указывалось, о предклассовом обществе у восточных славян почти ничего не известно. Переход к классовому обществу характеризовался у них усилением княжеской власти и обложением населения податями. Этот факт признается всеми исследователями, начиная с дореволюционных и кончая современными⁴⁹.

Значительная часть советских историков (В. И. Довженко, М. Ю. Брайчевский, Л. В. Черепнин, О. М. Ранов, Ю. А. Кизилов, С. М. Каштанов, Я. Н. Щапов, М. Б. Свердлов, Б. А. Рыбаков, Л. В. Милов, Г. В. Абрамович и др.) считает, что на начальном этапе существования Киевской Руси данная форма эксплуатации была господствующей и связывает ее с верховной собственностью князя на землю всего государства⁵⁰. Согласно взгляду А. А. Горского, собственником земли был князь вместе с дружиной. «Представители военно-дружинной знати, — писал он, — превратились, таким образом, в корпоративных собственников земли и одновременно в аппарат государственной власти. При этой форме собственности (государственной) представители господствующего класса получали ренту не прямо, а опосредованно, через государство»⁵¹.

Все названные авторы рассматривают данную форму эксплуатации как феодальную. Первоначальный феодализм в Киевской Руси был, по их мнению, государственным или государственно-корпоративным. Имеются историки, которые опровергают подобную трактовку рассматриваемой формы эксплуатации. Но сами они при этом никак ее не характеризуют, ограничиваясь констатацией ее существования⁵². Действительно, эта форма эксплуатации не является феодальной. Перед нами не что иное, как политаризм.

Наряду с политарной формой эксплуатации существовали в Киевской Руси также магнатные и доминантные отношения⁵³. Характеризуя «вотчинное» хозяйство X—XII вв., И. Я. Фроянов писал: «Сначала население вотчины состояло из рабов, вчерашних пленников, захваченных во время войн. Затем, по мере социального развития, т. е. окончательного разложения родового строя в конце X — начале XI столетий, возникают внутриобщественные источники рабства и промежуточные (между свободой и рабством) категории

зависимого населения. Местные рабы и полусвободные (полурабы) вливаются в состав вотчинных людей. И только со второй половины XI в. в вотчине появляются феодальные элементы. С этого момента она превращается в сложный социальный институт, сочетающий одновременно рабские, полусвободные и феодальные компоненты. Но рабов и полусвободных в ней было больше, чем феодально зависимых. Поэтому феодальный уклад в XII — начале XIII в. уступал рабовладельческому»⁵⁴.

Общество Киевской Руси X — начала XIII в., согласно взглядам И. Я. Фронова, феодальным не было. Не считает он его и рабовладельческим, ибо «вотчина», в которой, по его мнению, преобладал рабский труд, была, как он утверждает, незначительным сектором хозяйства Древней Руси.⁵⁵ Существования политарного способа производства он не замечает. Отсюда естественно следует вывод, что «подавляющая масса русского населения являлась свободной»⁵⁶.

В результате И. А. Фроянову не остается ничего другого, как объявить, что в древнерусском обществе XI — начала XIII в. классов еще не было. Это общество, в котором, как хорошо известно, существовали уже и монументальная зодчество и письменность, классовым, по его мнению, еще не являлось. Период с XI по начало XIII в. он определяет как время перехода от первобытно-общинного строя к феодальному⁵⁷.

Вряд ли могут быть сомнения в том, что рабство у восточных славян существовало задолго до X в., по крайней мере с VI в. Это признает и сам И. Я. Фроянов⁵⁸. Но в таком случае выходит, что переход от первобытно-общинного общества к классовому начался у них задолго до XI в., во всяком случае не позже VI в. В чем же тогда специфика периода X — начала XIII в., на каком основании И. Я. Фроянов его особо выделяет? Четкого ответа на этот вопрос автор не дает. В целом и характеристика этого периода не отличается у него особой ясностью. С одной стороны, он утверждает, что уже к концу X — началу XI в. окончательно разложился родовой строй, исчезли родоплеменные отношения, с другой, что в XI—XII вв. господствовали общинные отношения⁵⁹. О том, что представляли собой эти господствующие общинные отношения и что с ними происходило в данную эпоху, мы ничего не узнаем.

Единственный выход из всех этих противоречий состоит в признании того, что древнерусское общество конца X — начала XIII в. было бесспорно уже классовым, но не рабовладельческим и не феодальным, а политарно-доминантно-магнатным. По мере распада древнерусского государства на более или менее самостоятельные социально-исторические организмы все в большей степени начало проявляться своеобразие развития некоторых из них. В Новгороде Великом эволюция пошла по линии ослабления княжеской власти. В результате успешного антикняжеского восстания, происшедшего в 1136 г., Новгород окончательно преобразуется в республику, просуществовавшую до 1478 г. Остается еще выяснить социально-экономическую основу этого изменения политического строя.

Явно недостаточно изучен процесс перехода к классовому обществу в Болгарии, Сербии, Хорватии, Чехии, Словакии, Польше, Венгрии. Все эти страны, как и Киевская Русь, большинством наших историков характеризуются как феодальные. Однако настоящий феодализм в них никогда не существовал. Вся их социально-экономическая история должна быть изучена заново, точно так же как и история России.

Общественно-экономические параформации. В Норвегии, Швеции, России политарно-доминантно-магнатное общество существовало долго. Оно было таким социально-экономическим типом общества, которое являлось одновременно и стадией его развития. В этом заключается его сходство с общественно-экономическими формациями. Но охарактеризовать политарно-доминантно-магнатное общество как общественно-экономическую формацию нельзя, ибо оно не

представляло собой стадии всемирно-исторического развития. Это не основной, как общественно-экономические формации, а неосновной тип общества. Его можно было бы назвать общественно-экономической параформацией. И политарно-доминантное общество не единственная параформация. К числу параформаций относятся доминантное общество, о котором уже много говорилось на предшествующих страницах, политомантное общество, представленное Спартой, плантационное общество, существовавшее в Бразилии XVIII—XIX вв., на Юге США до Гражданской войны 1861—1865 гг. и в некоторых других странах Америки, своеобразное общество, сложившееся в XIII—XIV вв. в городских республиках Италии, и наконец, индустрополитарное общество, возникшее в XX в. в России, странах Восточной Европы и некоторых государствах Азии⁶⁰. Но вопрос об общественно-экономических параформациях выходит за рамки данной статьи. Он заслуживает особого рассмотрения.

Заключение. Подводя итог всему сказанному выше, прежде всего отметим, что переходом от предклассового общества к классовому было не только возникновение первой классовой общественно-экономической формации — политарной, но и доминантного общества, которое в Средиземноморье трансформировалось в рабовладельческое (античное) — вторую классовую общественно-экономическую формацию. Переходом от предклассового общества к классовому было и возникновение политарно-доминантного общества, которое в Западной Европе превратилось затем в феодальное — третью классовую общественно-экономическую формацию.

Но конечно, трактовка двух последних случаев только как перехода от предклассового общества к классовому совершенно недостаточна. Один из них был одновременно и переходом человечества в целом со стадии политарной азиатской формации на стадию рабовладельческой (античной) формации, а второй — его восхождением со стадии античной формации на стадию феодальной.

Все же и в том, и в другом случае мы имеем дело с переходом от предклассового общества к классовому. В этом смысле исследование этого перехода имеет важное значение для понимания смены чуть ли не всех стадий истории человечества в целом. С переходом от предклассового общества к классовому не связана лишь смена третьей классовой общественно-экономической формации — феодальной — четвертой классовой общественно-экономической формацией — капиталистической.

Примечания

¹ Barton R. F. *Ifugao Economics*//University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. V. 15. N 5. Berkley, 1922; *idem*. *Ifugao Law*//*ibid*. V. 15. N 1. Berkley, 1919.

² Barton R. F. *The Kalingas*. Chicago, 1948. P. 145, 188 etc.; *Sy-Chuan Guy G.* *The Economic Life of the Mountain Tribes of Northern Luzon, Phillippines*//*J. East Asiatic Studies*. 1958. V. 7. № 1. P. 21—22. 65—66.

³ *Furer Haimendorf Ch. von.* *The Apa Tanis and Their Neighbours*. L., N. Y., 1962. L.; N. Y., 1962.

⁴ *Volkman T. A.* *Feasts of Honor*. Chicago, 1985. P. 22, 60—68.

⁵ *Токарев С. А.* *Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв.* Якутск, 1945.

⁶ *Петрушевский И.* *Джаро-Белаканские вольные общества в первой трети XIX столетия*. Тифлис, 1934. С. 4—5, 21—28, 33—58.

⁷ *Магомедов Р. М.* *Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XX вв.* Махачкала, 1957 г. С. 54—59.

⁸ *Студенецкая Н.* *К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае*//*Советская этнография* (далее СЭ). 1937. № 2—3. *Невская В.* *Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период)*. Черкесск, 1960.

⁹ *Кумыков Т. Х.* *Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии*. Нальчик. 1959. С. 71—72, 81—85; *Кучмезова М.* *Землевладение и землепользование в Балкарии по обычному праву*//*Вестник Кабардино-Балкарского НИИ*. Вып. 6. Нальчик, 1972; *её же.* *Имущественное и наследственное права балкарцев в XIX в.*//*Там же.*

¹⁰ *Магомедов Р. М.* *Указ. раб.* С. 54—59.

- ¹¹ *Итс Р. Ф., Яковлев А. Г.* К вопросу о социально-экономическом строе ляншаньской группы народности и//Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967; *Итс Р. Ф.* Об общественном устройстве ляншаньских и (ицзу)//Страны и народы Востока. Вып. 23. М., 1982.
- ¹² *Покровский М.* Адыгские племена в конце XVIII/первой половине XIX в.//Тр. Ин-та этнографии. Т. 46. М., 1958. С. 102—135; *Кумыков Т. Х.* Указ. раб., С. 52—84; *Тхамоков Т. Х.* Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961. С. 79—187; *Боцадзе Т.* Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. Тбилиси, 1965. С. 37—119; *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.) М., 1967. С. 123—226; *Джимов Б. М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986.
- ¹³ *Джимов Б. М.* Указ. раб. С. 51.
- ¹⁴ *Боцадзе Т.* Указ. раб. С. 66—67, 82, 84, 91, 92.
- ¹⁵ *Покровский М.* Указ. раб. С. 128—131; *Гарданов В. К.* Указ. раб. С. 45, 246—285.
- ¹⁶ *Гарданов В. К.* Указ. раб. С. 149—150, 246, 285.
- ¹⁷ *Покровский М.* Указ. раб. С. 126—127.
- ¹⁸ *Покровский М.* Указ. раб. С. 126; *Гарданов В. К.* Указ. раб. С. 260—261.
- ¹⁹ *Гарданов В. К.* Указ. раб. С. 282—287.
- ²⁰ *Firth R.* Primitive Economics of New Zealand Maori. L., 1929.
- ²¹ См. *Ипата-Штернегг (К. Т.)* Сословия. История сословий в Германии//Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб, 1899. С. 343—347; *Неусыхин А.* Общественный строй древних германцев. М., 1929; *его же.* Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе в VI—VIII веках. М., 1956. С. 213—214.
- ²² *Гуревич А. Я.* Походы викингов. М., 1966. С. 20—24; *Ковалевский С. Д.* Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977. С. 85—86.
- ²³ *Гуревич А. Я.* Указ. раб. С. 26—35.
- ²⁴ *Петрушевский Д. М.* Общество и государство у Гомера. М., 1913; *Ленцман Я. А.* Рабство в Микенской и Гомеровской Греции. М., 1963. С. 193—278; *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976; *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 78—81; *Finley M.* The World of Odysseus. Harmondsworth, 1980.
- ²⁵ *Шкунаев С. В.* Община и общество западных кельтов. М., 1989. С. 15—32, 45—55; *Early Irish Society*/Ed. M. Dillon. Dublin, 1954; *Binchy D. A.* Celtic and Anglo-Saxon Kingship. Oxford, 1970. З. 1—21.
- ²⁶ См. *Фюстель де Куланж (Н. Д.)* История общественного строя древней Франции. Т. I. Римская Галлия. СПб, 1901. С. 3—55; *Блок Г.* Независимая Галлия и Римская Галлия//Общая история европейской культуры. Т. VII; История Франции в раннее средневековье. СПб, 1913. С. 39—49; *Crumley S.* Celtic Social Structure//Anthropological Papers Museum of Anthropology, University of Michigan. N 54. Ann Arbor, 1974.
- ²⁷ См. *Гильфердинг А.* История балтийских славян//Собр. соч. Т. 4. СПб, 1884. *Черниловский З. М.* Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959.
- ²⁸ *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. М., 1923. С. 164—165. *Колобова К. М.* Революция Солона//Уч. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Вып. 4. № 39. 1939. С. 53—56; *Лурье С. Я.* К вопросу о роли Солона в революции начала VI в.//Там же; *Доватор А. И.* Рабство в Аттике VI—V вв. до н. э. Л., 1980. С. 7—18; *Шишова И. А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 21—26; *Starr C. G.* The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977. P. 90—92, 158—163; 182—185; *Lintott A.* Violence, Civil Strife and Revolution in Classical City. 750—330 B. C. Baltimore, 1982. P. 43—46.
- ²⁹ *Ельницкий Л. А.* Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964. С. 104—116; *Немировский А. Н., Харсекин А. И.* Этруски. Введение в этрускологию. Воронеж, 1969. С. 96—101, 106—109.
- ³⁰ *Немировский А. И.* История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962. С. 242—243; *Ельницкий Л. А.* Указ. раб. С. 5—24, 117—145.
- ³¹ См. *Семенов Ю. И.* Древняя Индия и Античная Греция: сходство и различие//XIV междунар. конф. античников социалистических стран. Тез. докл. Ереван, 1976.
- ³² См. *Бонгард-Левин Г. М.* Индия эпохи Маурьев. М., 1963. С. 127—140, 149—170.
- ³³ См. *Алаев Л. Б.* Сельская община в Северной Индии. М., 1981. *Семенов Ю. И.* О структуре стратифицированной сельской общины и ее роли в истории докапиталистических классовых обществ//СЭ. 1982. № 6.
- ³⁴ См. *Голубцова Е. С.* Сельская община Малой Азии. III в. до н. э.— III в. н. э. М., 1972.
- ³⁵ См. *Семенов Ю. И.* Теория общественно-экономических формаций и всемирная история//Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978. С. 71—88.
- ³⁶ *Дирингер Д.* Алфавит. М., 1963. С. 386—394.
- ³⁷ См. *Яйленко В. И.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.
- ³⁸ См. *Семенов Ю. И.* Возникновение классового общества: вариативность и инвариантность//Исследования по первобытной истории. М., 1992. С. 175—177.
- ³⁹ *Woolly L.* Sumerians. Oxford, 1928. P. 193.
- ⁴⁰ *Колесницкий Н. Ф.* К вопросу о раннеклассовых общественных структурах//Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М., 1968. С. 635.
- ⁴¹ *Семенов Ю. И.* Теория общественно-экономических формаций и всемирная история. С. 74—76.

- ⁴² Bloch M. Feudal Society. V. 1. Chicago, 1974. P. 176—189; V. 2. P. 441—447.
- ⁴³ Ibid. P. 446—447.
- ⁴⁴ Lewis A. Knights and Samurai: Feudalism in Northern France and Japan. L., 1974; Duus P. Feudalism in Japan. N. Y., 1976.
- ⁴⁵ См. Воробьев М. В. Япония в III—VII вв. М., 1980. С. 193—212.
- ⁴⁶ Moulder F. V. Japan, China and the Modern World Economy. Cambridge, 1977.
- ⁴⁷ Семенов Ю. И. Возникновение классового общества. С. 177—178.
- ⁴⁸ Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. Проблемы социального строя и культуры. М., 1977; Ковалевский С. Д. Указ. раб.
- ⁴⁹ См., например, Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1//Соч. М., 1956. Т. I. С. 153—154; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Древней Руси. С. 87—89; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 64—65 и др.
- ⁵⁰ Подробную библиографию и обзор их работ см.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 159—170, 264—300.
- ⁵¹ Горский А. А. К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма на Руси//Вестн. МГУ, сер. 8, История. 1982. № 4. С. 79; см. также: его же. Дружина и генезис феодализма на Руси//Вопр. истории. 1984. № 9. С. 22.
- ⁵² См. Фроянов И. А. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии... С. 170—172, 285—300.
- ⁵³ Материалы см., например, Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Кн. I. М., 1952. С. 111—228; истолкование см.: Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации//Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 282—284.
- ⁵⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С. 318.
- ⁵⁵ Там же. С. 315.
- ⁵⁶ Там же. С. 318.
- ⁵⁷ Там же. С. 310—311, 318.
- ⁵⁸ Там же. С. 122.
- ⁵⁹ Там же. С. 314—318.
- ⁶⁰ Об индустриально-политарном обществе см.: Семенов Ю. И. О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека//Этнографическое обозрение. 1992. № 3.

From Primordial to Class Society: Ways and Variants of Development (part 2)

The last two variants of late pre-class society — protodominomagnatic and parapolitar-dominomagnatic are examined in the 2nd part of the article (1st — «Ethnographicheskoye Obzrenie», № 1, 1993). The last one is the most important. Its fate differs in various historic periods. In the 1st thousand B. C. under the strong influence of world system of politar sociohistorical constructions of the Near East the parapolitar-dominomagnatic Mediterranean societies transformed at first into dominomagnatic (Archaic Greece, Early Rome) and then into slavery one (Classic Greece, Late Rome). The new world system, taking the leading role in the world history, antiquity, was formed by such slavery sociohistoric organizations. Afterwards it also came to crisis and at last crashed under the pressure of barbarians. As a result of adoption of antic heritage the parapolitar-dominant barbarous societies of the European west transformed into politar-dominomagnatic and then into feudal. The class sociohistorical societies of the north and east Europe, appearing as politar-dominomagnatic, for a long time existed as such systems and didn't become feudal.

Thus the transformation from primordial to class society realized in three social economic formations: first — politar, second — antic/slavery and third — feudal.

Yu. I. Semenov